

5. Нвс. там она вернется? или
Гуманноид в небе ичтисъ?
6. Веймар — Вольфганг ТЮБ
7. Ремиссер — Вольфсон А

3 страница • 12 сентября 1982 года

Молва
г. Пенза

□ Гости Пензы

В ПОЛЬЗУ МЕЧТЫ

Волгоградский театр юного зрителя для первого знакомства с пензенцами выбрал спектакль «А все-таки она вернется... или Гуманноид в небе ичтисъ?», который сводит в единый узел многие области школьного бытия.

«Шутка в двух действиях» — так драматург Александр Хмелев определял жанр своей пьесы, который повлиял и на общее режиссерское решение, и на стилистику актерской игры. Начинается все действительно несерьезно. В седьмом классе шла контрольная по математике. В середине урока появился Вася Лопотухин. Своё опоздание он объяснил тем, что видел во дворе... летающую тарелку, похожую на «Запорожец» старой марки, разговаривал с двумя инопланетянами — гуманноидом. Класс, естественно, смеется. Учительница Алла Константиновна плачет и зовет на помощь директора школы Юрия Леонидовича, который вручает «проработать» возмутителя спокойствия на совете дружины.

Факт пребывания на земле гуманноидов специально созданная комиссия не подтвердила. Все «неопровержимые доказательства» приезда тарелки, оказывается, подстроила Малахова, равнодушная к Лопотухину. И тогда начались дела более серьезные. Юрий Леонидович угрожает Васю отказать от своих слов, ребята требуют от него отречься от вымысла и признать, что все придумано им, чтобы оправдать свое опоздание в школу. И тогда Лопотухин грустно произносит:

— Скучно. Скучно тут у вас...

Более горячо и определенно высказывается Шафиров, увлеченный придумками товарища.

— Что же мы за люди такие? Почему это мы все можем разгадать и ни во что не верим? В паранормологию не верим. В Атлантиду не верим. В Бермудский треугольник не верим. В летающие тарелки не верим... Как же мы живем-то?

Так спектакль подводит к своей основной мысли: без вымысла, без мечты жить неинтересно и скучно. Происходящие на подмостках события заставляют нас задуматься о вреде излишней рациональности, которая часто переходит в ограниченность.

Спектакль волгоградцев привлекает узнаваемостью ситуаций, жизненной достоверностью характеров и человеческих отношений. Почти в каждом классе есть свой Шафиров — любознательный, мечтательный, и свой Павлов, который, когда да-

ешь ему белое, хочет получить черное, а когда предлагают черное, то бьется за белое, и свои «строгие» девочки-молчуны, все плавающие и про все догадывающиеся. И, конечно же, Лопотухин — безудержный фантазер, верящий в собственные фантазии.

Вера в неожиданное, в необычное сидит в каждом из нас, только у каждого на разной глубине. Иногда ее приходится скрывать, так как она не положена по должности. По первым впечатлениям создается твердое убеждение, что директор школы Юрий Леонидович — ярый противник всяческих фантазий. Но именно он выручает Лопотухина в трудную минуту. Во время строгого «суда» над возмутителем школьного спокойствия Юрий Леонидович исполняет появление гуманноида и забирает Васю в иные миры. Так директор школы стал союзником Лопотухина, разделяя с ним его стремление совмещать серьезную учебу с шуткой, игрой, мечтой.

Говоря о спектакле наших гостей, прежде всего хочется отметить его успех у зрителей-подростков. Зал принимает все происходящее на сцене одобрительно, с большим энтузиазмом, заинтересованно.

Высокой оценки заслуживает весь актерский ансамбль (режиссер Л. Вольфсон). Лидирует у нем С. Плутатых в роли Лопотухина. Актер создает образ неброско, словно боясь расплескать в себе что-то очень дорогое.

Юрий Леонидович в исполнении А. Королева сродня Лопотухину. Наверняка в школьные годы он был таким же восторженным мечтателем. Исполнитель великолепен в сцене с дядей Колей — мнимым отцом Лопотухина. По-мальчишески возбужденный, он горячо и темпераментно доказывает мысль о том, что в мире существует много загадочного и неизученного.

Радует игра В. Краснова (Павлов), С. Алисиной (Малахова), В. Степаненко (Петров), А. Нестерова (Шафиров), А. Масляникова (Полудантов). Правдив в рамках сценического образа Ю. Горбунов. Его дядя Коля предельно завершен в сатирической обрисовке.

Школьный возраст, которому адресована комедия, — самый трудный. Как для взрослых — для них уже нельзя ставить, как для взрослых — еще нельзя. Нужна точная пропорция простоты и сложности, юмора и серьезности. Она в спектакле волгоградцев чуждена.

ГУЛЯЕВ.